

RU

Специфика нарратора в романе Ф. Сологуба «Мелкий бес»

Жарков М. А.

Аннотация. В статье исследуется нарративная организация романа Федора Сологуба «Мелкий бес», которая на данный момент недостаточно изучена. Цель исследования – определить типологические особенности нарратора в романе «Мелкий бес». Научная новизна исследования состоит в том, что в работе впервые роман проанализирован с точки зрения нарратологии и выявлены конкретные специфические черты нарратора. Особое внимание уделено категории «точки зрения». В статье последовательно анализируются планы ее проявления: перцептивный, идеологический, пространственный, временной и языковой. Путем сопоставления нарративных стратегий, реализующихся в романе и моделирующих особый взгляд на художественную реальность, удалось зафиксировать изменения «точки зрения» нарратора. В результате установлено, что нарратор в «Мелком бесе» – это сложно-устроенная безличная повествовательная инстанция, не принадлежащая к диегесису и выраженная эксплицитно. Кроме того, удалось выяснить, что статус «всеведущего» и «вездесущего» нарратора формирует некий универсальный характер происходящего в рамках фиктивного мира романа, а изменение параметров «выявленности» и «объективности» повествовательной инстанции детерминирует широкую смысловую амплитуду сологубовского текста.

EN

The specifics of the narrator in F. Sologub's novel "The Petty Demon"

M. A. Zharkov

Abstract. The article examines the narrative organization of Fyodor Sologub's novel "The Petty Demon", which is currently insufficiently studied. The purpose of the research is to determine the typological features of the narrator in the novel "The Petty Demon". The scientific novelty of the research lies in the fact that for the first time the novel is analyzed from the point of view of narratology and specific features of the narrator are revealed. Special attention is paid to the category of "points of view". The article consistently analyzes the planes of its manifestation: perceptual, ideological, spatial, temporal and linguistic. By comparing the narrative strategies implemented in the novel and modeling a special view of artistic reality, it was possible to record changes in the narrator's "point of view". As a result, it is established that the narrator in the "The Petty Demon" is a complexly arranged impersonal narrative instance that does not belong to the diegesis and is expressed explicitly. In addition, it was found out that the status of an "omniscient" and "omnipresent" narrator forms a kind of universal character of what is happening within the fictitious world of the novel, and the change in the parameters of the "identification" and "objectivity" of the narrative instance determines the broad semantic amplitude of Sologub's text.

Введение

Актуальность данного исследования заключается, во-первых, в проявлении научного интереса к творчеству Ф. Сологуба как со стороны отечественного литературоведения, так и зарубежного. Это подтверждается недавним выходом статьи О. И. Осиповой и Ху Иннаня (2024), посвященной рецепции прозы Ф. Сологуба китайской русистикой. По схожей проблематике была опубликована статья Джейсона Меррилла (2022), в которой исследуются англоязычные антологии 1915-1950 гг., содержащие произведения Ф. Сологуба. Кроме того, активно изучается поэтика прозаического творчества писателя; например, в работе М. А. Дубовой и Н. А. Лариной (2024) рассматривается цветопись как миромоделирующий прием в прозе Ф. Сологуба, а в статье О. И. Осиповой (2021) исследуются константы малой прозы Ф. Сологуба.

Во-вторых, актуальность видится в том, что нарратология, предлагающая комплекс специфических приемов исследования текста, занимает лидирующие позиции среди подходов к изучению художественных структур. Соответственно, применение теории повествования к одному из наиболее значимых романов начала XX века представляется важным для современной науки о литературе.

В-третьих, на данный момент существует множество литературоведческих работ, в которых исследователи, проявляя научный интерес к нарратору в «Мелком бесе», не апеллируют к специальным трудам по теории повествования. Таким образом, очевидна потребность в последовательном анализе специфики нарратора в романе «Мелкий бес» с опорой на актуальные работы по теории повествования.

Попытка проанализировать некоторые нарратологические категории (повествователь, автор-повествователь и т. п.) предпринимается в работах В. В. Ерофеева (1985), Н. В. Барковской (1996), О. И. Осиповой (2014). При этом следует отметить, что рассмотрение элементов нарративной структуры романа является не главной целью этих работ, а скорее одним из аспектов решения иных исследовательских задач. Более того, нарратологические категории применяются здесь без опоры на конкретные труды по теории повествования, что значительно сужает спектр выявляемых параметров, а местами приводит к весьма спорным выводам.

Например, Н. В. Барковская в монографии «Поэтика символистского романа» утверждает, что на событийно-бытовом уровне романа «автор-повествователь предстает как один из городских обывателей» (1996, с. 133), аргументируя свой тезис фактом наличия в тексте просторечий («омега набуровила», «касть поганая», «сварганю» и т. п.). Но примеры, приводимые Н. В. Барковской, в тексте романа принадлежат не нарратору, а разным персонажам: «– Омега набуровила! – ворчал он» (Сологуб, 2004, с. 21); «– Ты, касть поганая? – закричала Ершова» (Сологуб, 2004, с. 29); «Правда, хочешь, я это сварганю, завтра же вечером?» (Сологуб, 2004, с. 13). То есть данные просторечия, конечно, лексически маркируют «городских обывателей», но никак не характеризуют самого нарратора, так как являются «текстом персонажа», а не «текстом нарратора» (Шмид, 2008, с. 191).

Для достижения вышеуказанной цели исследования были поставлены следующие задачи:

- проанализировать те фрагменты романа «Мелкий бес» Ф. Сологуба, в которых проявляются специфические черты нарратора;
- проследить, как соотносятся планы «точки зрения» в разных фрагментах романа «Мелкий бес»;
- проанализировать характер изменений «точки зрения» нарратора.

Материалом исследования является текст романа Ф. Сологуба «Мелкий бес»:

- Сологуб Ф. Мелкий бес / издание подготовила М. М. Павлова. СПб.: Наука, 2004.

Теоретическую базу исследования составляют литературоведческие работы, предметом которых являются поэтика и некоторые элементы нарративной организации романа. Так З. Г. Минц (2004), определяя роман «Мелкий бес» как «неомифологический» текст, настаивает на том, что повествование в произведении имеет «синтетический» характер, то есть объединяет реалистическую, романтическую и символистскую манеру нарратива. Важной для нашего исследования является статья Л. Силард (1984), которая посвящена анализу новаторских средств художественной выразительности в символистском романе. В. В. Ерофеев (1985), изучая роман «Мелкий бес», в ракурсе полемики между реализмом и символизмом подмечает, что повествователь «состоит из разноцветных осколков». Н. В. Барковская (1996) рассматривает повествователя на трех уровнях содержания романа: «событийном», «галлюцинаторном» и «мифологическом». О. В. Иванова (2000), исследуя стиливое своеобразие романа, говорит о повествователе как об инстанции, моделирующей иронический тон изложения. О. И. Осипова, изучая семиотику конфликта в романе, приходит к важнейшему для нашей работы выводу: «...повествователь становится именно центром истинной оценки происходящего...» (2014, с. 32).

Также теоретическую базу исследования составляют труды по теории повествования (Успенский, 1970; Корман, 1972; Женетт, 1998; Тюпа, 2001; Шмид, 2008).

Ключевым методом для решения указанных задач стал метод целостного анализа литературного произведения, позволяющий изучить проблему в контексте художественного текста как целого. Также в исследовании использовались приемы нарративного анализа, благодаря которым удалось проанализировать ключевые элементы повествовательной организации романа, фиксируя изменения нарративной стратегии.

Практическая значимость работы состоит в возможности применить полученные результаты в последующих исследованиях повествовательной организации романа «Мелкий бес». Материалы исследования могут быть использованы в гуманитарных вузах в курсах теории литературы, спецкурсах и спецсеминарах, посвященных творчеству Ф. Сологуба и русскому символизму. Также полученные данные могут послужить материалом для создания учебных пособий по изучению отечественной литературы XX века.

Обсуждение и результаты

В современной нарратологии закрепились две позиции относительно определения центральной категории нарративного текста. По мнению В. И. Тюпы (2001), «ключевой нарратологической категорией оказывается категория *события*», то есть некое существенное изменение исходной ситуации. Иной позиции придерживается В. Шмид, выделяя в качестве «центральной категории нарратологии» и нарративного текста «точку зрения» (2008, с. 107). В работе «Нарратология» исследователь дает следующее определение данной категории: «...образуемый внешними и внутренними факторами узел условий, влияющих на восприятие и передачу происшествий» (Шмид, 2008, с. 117).

Позиция В. Шмида представляется нам более релевантной для анализа нарративных стратегий, так как она предполагает обязательное наличие категории «нарратора», обладателя взгляда на определенное происшествие. Нарратор наделяет повествовательный дискурс специфическими чертами, отбирая повествуемый материал, структурируя его определенным образом и выражая свое отношение к нему. В связи с этим необходимо

анализировать «точку зрения» как сложноустроенную нарратологическую категорию и различать планы ее проявления, что впервые было сделано Б. А. Успенским (1970) в работе «Поэтика композиции». Типология планов «точки зрения» Б. А. Успенского послужила фундаментом для классификации В. Шмида (2008, с. 118-121), который выделяет пять планов ее проявления: 1) пространственный план; 2) идеологический план; 3) временной план; 4) языковой план; 5) перцептивный план. В. Шмид отмечает, что планы «точки зрения» могут существовать как независимо друг от друга, так и в состоянии интерференции, например, идеологический план может выражаться фразеологическими средствами.

Следует добавить, что исследователем выделяются «однополюсная» и «разнополюсная» «точки зрения». Данное разделение основывается на выборе нарратором «персональной» (точка зрения одного или нескольких персонажей) или «нарраториальной» (собственная точка зрения повествователя) «точки зрения» в разных планах ее проявления. Таким образом, «однополюсной» будет называться такая «точка зрения», все пять планов которой будут принадлежать либо «нарраториальной» оптике, либо «персональной». В свою очередь, «разнополюсная» предполагает несовпадение «нарраториального» и «персонального» взгляда в разных планах «точки зрения» (Шмид, 2008, с. 122-123).

«Главным в определении типов нарратора является противопоставление диегетического и недиегетического нарратора» (Шмид, 2008, с. 82), то есть принадлежность нарратора к диегесису (плану повествуемой истории) или экзегесису (плану повествования). Диегетическим будет считаться нарратор, который фигурирует в обоих планах изображаемого мира, является и субъектом повествования, и объектом повествуемой истории. Недиегетическим будет считаться нарратор, проявляющий себя исключительно в экзегесисе (плане повествования), повествующий только о других фигурах и не мыслящий себя частью диегесиса (Шмид, 2008, с. 82).

В романе «Мелкий бес» фиктивный нарратор нередко «использует» притяжательное местоимение «наш», указывающее на принадлежность чего-либо первому лицу: «...их же в нашем городе достаточно много...» (Сологуб, 2004, с. 212); «Бенгальский в нашем городе был любим» (Сологуб, 2004, с. 225) и т. д. Но, как уточняет В. Шмид, «не наличие форм первого лица, а их функциональная отнесенность является различительным признаком» (2008, с. 84). Как мы уже заметили, нарратор проявляет определенным образом свое «я», но при этом не «выходит» за границы плана повествования, не говорит о себе как о составляющей диегесиса. То есть не проявляет свое «повествуемое “я”», соответственно, является «недиегетическим».

В. Шмид настаивает на демаркации оппозиции «диегетический – недиегетический» нарратор и двух других: «эксплицитный – имплицитный» и «личный – безличный». По мнению исследователя, эти противопоставления проводятся по разным критериям: в первом случае (эксплицитный – имплицитный) – по выявленности в фиктивном мире, а во втором (личный – безличный) – по степени выраженности личностных черт.

«Эксплицитное изображение основывается на самопрезентации нарратора» (Шмид, 2008, с. 70), но является факультативным в отличие от «имплицитного», которое имеет обязательный статус. «Имплицитное» изображение реализуется за счет комплекса индексов (индициальных знаков). В романе «Мелкий бес» нарратор не называет себя, не повествует о событиях своей жизни, при этом его саморепрезентация происходит в редуцированном виде, «уже само употребление местоимений и форм глагола первого лица представляет собой самоизображение» (Шмид, 2008, с. 70). На протяжении всего романа нарратор смотрит на происходящие события как бы с позиции городского жителя, «используя» притяжательное местоимение «наш»: «...больших расстояний в нашем городе не было» (Сологуб, 2004, с. 34); «...дюшками в нашем городе называют свиней» (Сологуб, 2004, с. 33); «С обычно в нашем городе грубостью...» (Сологуб, 2004, с. 200) и т. д.

В то же время нарратор не обладает ярко выраженными чертами цельной личности, тем более конкретным характером. Он скорее «безличный» носитель различных оценок, выражающих идеологические и психологические ипостаси фиктивной повествовательной инстанции. В этом же ключе рассматривает нарратора и В. В. Ерофеев (1985): не апеллируя к конкретным нарратологическим концепциям, исследователь говорит о повествователе в «Мелком бесе», как об инстанции, «состоящей из разноцветных осколков».

Одной из характерных оценочных позиций нарратора является ирония, выступающая в романе стилиобразующим началом (Иванова, 2000). Отметим, что о похожей повествовательной практике упоминает В. Шмид, говоря о недиегетическом типе повествования: «Несомненно, недиегетический рассказ (опять-таки со времен реализма) тяготеет к минимализации личности нарратора, к его редукции до некоторых оценочных позиций, иронических акцентов и т. п.» (2008, с. 87). Роман изобилует оценками комического характера, «взгляд» нарратора во множестве событийных ситуаций маркирован явной насмешкой, например: «Передонов пригласил его зайти сейчас, но Володин сказал, что у него есть дело: он вдруг почувствовал, что как-то неприятно все не иметь дела» (Сологуб, 2004, с. 65).

Предельная степень информированности нарратора о событиях повествуемой истории, а также мотивации, мыслях и действиях персонажей указывает на «всеведущий» тип повествователя. Он знает, что происходило до описываемых в романе событий («Да и раньше он обходился с нею дурно» (Сологуб, 2004, с. 22); «Раньше эти книги Передонов держал на виду, чтобы показать, что у него свободные мнения...» (Сологуб, 2004, с. 48)), знает, о чем думают герои, какие чувства испытывают («Ему было грустно и страшно. Подумывал он убежать, да не решился и на это» (Сологуб, 2004, с. 39)), имеет представление о происходящем вне «своего» города («В осеннюю распутицу, бросив все свои дела, поспешно выехала она из деревни в наш город» (Сологуб, 2004, с. 235)) и т. д.

Переходя к анализу пространственного плана «точки зрения», мы вынуждены констатировать некоторую сложность рассмотрения данного параметра ввиду отсутствия конкретных пространственных координат, маркирующих нахождение нарратора в той или иной точке изображаемого мира. Мы можем ограничиться

предположением, что нарратор тяготеет к полюсу «вездесущей», сверхчеловеческой инстанции, и, как мы увидим ниже, это весьма небезосновательное утверждение. Будем исходить из того, что в разных фрагментах романа нарратор смотрит на события и дает им оценку, как отстраненно («объективно»), так и «субъективно», солидаризируясь с «точкой зрения» конкретного персонажа.

Например, в главе I романа Передонов заходит по приглашению Вершиной в сад, который описывается с детальной точностью, о чем свидетельствуют конкретные, энциклопедические наименования растений (Сибирская герань; Остропестро и т. п.) и сложные колоративы («бледно-розовые», «бледно-пурпуровые», «светло-желтые» и т. п.). В данном случае перцептивный, идеологический и языковой планы маркированы «нарраториальной точкой зрения». Рассматривая перцептивный план «точки зрения», мы можем констатировать, что за отбор нарративных единиц в данном случае отвечает нарратор. Сад увиден не через призму восприятия Передонова, сознание которого было «растлевающим и умертвляющим аппаратом» (Сологуб, 2004, с. 74), а глазами «объективной» повествующей инстанции. Языковой план «точки зрения», подбор лексики и синтаксиса говорят об обособленности взгляда нарратора от взгляда персонажа. Помимо живописного, подробного до оттенков описания растительности, маркером сугубо «нарраториальной точки зрения» выступает синтаксическая единица: «Он казался милым и уютным» (Сологуб, 2004, с. 14) – так нарратор говорит о доме Вершиной. Лексема «казался» (возвратный глагол прошедшего времени) подразумевает наличие субъекта, который испытывает определенное впечатление, и взгляд этого субъекта явно нельзя отождествлять со взглядом Передонова, так как прилагательные «милый» и «уютный» совсем не имманентны лексикону и мироощущению Передонова. Языковой план «точки зрения» в данном фрагменте тесно связан с идеологическим, из этого мы можем заключить, что оценивающей инстанцией является нарратор.

Из вышеизложенного следует, что в данном фрагменте романа наличествуют индексы, свидетельствующие об «объективности» фиктивного нарратора: отражении действительности не через призму восприятия персонажа, а выстраивании независимой, «нарраториальной» перспективы.

Похожим образом нарратор демонстрирует свою «объективную» оптику в главе XII романа. Наблюдаемое Передоновым «плохое» поведение гимназистов на всеобщей совершенно не согласуется с «реальностью», что и констатирует нарратор: «Ему стало грустно, что гимназисты так плохо себя ведут, и никто на это не обращает внимания... А на самом деле гимназисты стояли чинно и скромно...» (Сологуб, 2004, с. 97). В данном фрагменте языковой план «точки зрения» («А на самом деле...») указывает на то, что повествовательная инстанция «нарраториального» типа.

Иная нарративная стратегия реализуется в главе IV романа. Нарратор описывает рутиловский двор таким, как его воспринимает боязливый параноик Передонов: «...спустилась ночь, тихая, шуршащая зловещими подходами и пошептами» (Сологуб, 2004, с. 40); «В глубине двора подозрительно темнели и шептались о чем-то деревья Рутиловского сада» (Сологуб, 2004, с. 40) и т. п. Сразу же отметим, что важно разграничивать категории «интроспекции» и «перцептивной точки зрения», так как «первая относится к сознанию персонажа как объекту, вторая – как призме восприятия» (Шмид, 2008, с. 121). В данном случае мы имеем дело с призмой восприятия персонажа, которому и принадлежит идеологический план «точки зрения», оценивающая инстанция здесь – Передонов. Такой повествовательный маневр реализуется за счет использования определенных лексических средств («зловещими», «подозрительно темнели и шептались»), составляющих языковой план «точки зрения». В данном фрагменте параноидальность и помешательство главного героя, постепенно теряющего здравый рассудок, моделируются за счет персональной «точки зрения», проявляющейся в перцептивном, идеологическом и языковом планах.

В главе XII отражение действительности через призму персонажа проявляется в более явной форме: «Ветка на дереве зашевелилась, съезжилась, почернела, закаркала и полетела вдаль. Передонов дрогнул, дико крикнул и побежал домой» (Сологуб, 2004, с. 174). Ветка, показавшаяся обезумевшему Передонову каркающей вороной, описывается с его перцептивной «точки зрения».

Из вышеизложенного следует, что «точка зрения» нарратора (по выражению оценки) обладает определенной вариативностью. С одной стороны, нарратор является «объективным», выстраивая независимую перспективу на происходящие события, с другой стороны, мы видим, как идеологический, перцептивный и языковой планы «точки зрения» в некоторых фрагментах романа тяготеют к «персональной», субъективной оценке действительности персонажем.

Перейдем к рассмотрению нарратора по критерию «выявленности» в изображаемом мире. В. Шмид отрицает бинарный подход к определению «выявленности», отмечая, что она «образует континуум, распространяющийся между максимальным и минимальным присутствием индициальных знаков» (2008, с. 76).

Степень «выявленности» фиктивного нарратора по мере развертывания событийного ряда меняется, находится в постоянной динамике. Если в первых главах романа нарратор проявляет свое «я» слабо, то к середине романа, параллельно с усиливающимся помешательством Передонова и введением сюжетной линии взаимоотношений Людмилы Рутиловой и гимназиста Саши, степень «выявленности» возрастает. Обнажаются некоторые стороны сознания нарратора, его аксиология и отношение к повествуемой действительности.

Во-первых, как подмечает Н. В. Барковская, появляются патетические «лирико-публицистические отступления» (1996, с. 143), например в главе XIV: «О, смертная тоска, оглашающая поля и веси, широкие родные просторы! Тоска, воплощенная в диком галдении, тоска, гнусным пламенем пожирающая живое слово, низводящая когда-то живую песню к безумному вою!..» (Сологуб, 2004, с. 117). Пафос и красноречие таких фрагментов

выделяют их из достаточно однородной фактуры текста, сближают сознание фиктивного нарратора и абстрактного автора. Сам подбор лексики намекает на определенную художественную сделанность, на явное присутствие «близкого к авторской смысловой позиции повествователя» (Шмид, 2008, с. 68).

Во-вторых, появляются достаточно конкретные оценочные суждения нарратора о повествуемом мире. Описывая шатающуюся от опьянения Варвару, нарратор внезапно заключает: «...и воистину в нашем веке надлежит красоте быть попанной и поруганной» (Сологуб, 2004, с. 51). Особый интерес представляет последний абзац главы XXII: «Ослепленный обольщениями личности и отдельного бытия, он не понимал дионисических, стихийных восторгов, ликующих и вопиющих в природе. Он был слеп и жалок, как многие из нас» (Сологуб, 2004, с. 179). Отметим использование местоимения «нас» (форма родительного падежа личного местоимения первого лица множественного числа), обозначающего некоторое множество лиц, к которому говорящий относит себя. Таким образом, и комплекс лексических средств не имманентный Передонову, и философско-отстраненная рефлексия относительно взаимосвязей человека и природы, и синтаксическая единица «Он был слеп и жалок, как многие из нас» указывают на «сильную выявленность» нарратора, его предельную идеологическую обособленность от горизонта персонажа.

В-третьих, в «тексте нарратора» появляются отдельные лексемы и синтаксические единицы, показывающие повествователя неким заинтересованным лицом, эксплицитно выражающим свое мнение о происходящих событиях. Например, нарратор дает своеобразный комментарий, когда Передонов думает, к кому из значительных лиц города идти в первую очередь: «Кажется, самые необходимые в его положении люди – исправник и прокурор окружного суда. С них бы и следовало начать. Или с предводителя дворянства. Но начинать с них Передонову стало страшно» (Сологуб, 2004, с. 68). Данный фрагмент демонстрирует «сильную выявленность» нарратора и его высокую информированность («всеведущий») об устройстве и функционировании фиктивного мира.

Заключение

Таким образом, мы приходим к следующим выводам. Используя приемы нарративного анализа, удалось исследовать некоторые элементы повествовательной организации романа Ф. Сологуба «Мелкий бес» и выделить ключевые особенности фиктивной повествующей инстанции (нарратора). Нарратор имеет следующую типологическую характеристику:

- «недиегетический» (по диегетичности): принадлежит плану повествуемой истории и не является частью диегесиса;
- «эксплицитный» (по способу изображения): саморепрезентация нарратора наличествует, но происходит в редуцированном виде;
- «безличный» (по личностности): не обладает чертами цельной личности;
- «всеведущий» (по информированности): обладает предельной степенью информированности о событиях, происходящих в фиктивном мире романа;
- «вездесущий» (по пространственному признаку): неограничен по месту нахождения в рамках фиктивного мира романа.

Что касается критериев «объективности» и «выявленности», то правомерно утверждать, что нарратор по данным параметрам проявляет себя весьма неоднородно. Периодическое изменение полюса некоторых планов (перцептивного, идеологического, языкового) «точки зрения» приводит к трансформации оптики нарратора: «объективная», отстраненная, близкая к авторской позиции «точка зрения» нередко сменяется «субъективной», персональной и близкой к горизонту персонажа. «Выявленность» нарратора, которая, как уже обозначалось выше, не определяется бинарно, также является изменчивым критерием. Как мы уже отметили, предельной «выявленности» нарратор достигает в моменты появления в тексте ретардаций и прямых оценочных суждений, обнажающих мировосприятие повествовательной инстанции.

Если проследить взаимосвязь между установленной нами спецификой нарратора, моделирующего определенный взгляд на художественную реальность, и содержательной организацией романа, то можно заключить, что выбор именно такой фокализации детерминирует многослойность сологубовского текста.

Нарратор в «Мелком бесе» выступает идеологическим аттрактором и оценочным стержнем повествования, эксплицируя сознание абстрактного автора и формируя четкую идейную программу произведения. Нарратор подмечает существенные смысловые и мотивные изменения внутри персонажей и вовне, дает им определенную оценку и встраивает в общий содержательный пласт романа. Помешательство Передонова, усиливающееся по принципу «крещендо», при малейшем усугублении фиксируется и транслируется нарратором с объективной «точки зрения», при этом жители провинциального города расценивают девиантное поведение статского советника как нечто обыденное и нормальное («петрушку валяет»).

Использование писателем «безличной», «всеведущей» повествовательной инстанции и отсутствие конкретных параметров, фиксирующих нарратора в пространстве и времени, говорят о моделировании Сологубом универсальной, метафизической реальности. Таким образом, провинциальный городок, являющийся сосредоточением человеческой пошлости, низменности, в понимании Сологуба и есть единственно возможная бытийная модальность.

Перспективы дальнейшего исследования могут заключаться в системном изучении нарративных стратегий прозаического и поэтического творчества Ф. Сологуба, которое в этом ключе изучено недостаточно. Интересным представляется исследование эволюции нарратора в романах Ф. Сологуба в контексте символистской эстетики.

Источники | References

1. Барковская Н. В. Поэтика символистского романа / Урал. гос. пед. ун-т. Екатеринбург, 1996.
2. Дубова М. А., Ларина Н. А. Цветопись как миромоделирующий прием в прозе Ф. Сологуба // Мир науки, культуры, образования. 2024. № 1 (104).
3. Ерофеев В. В. На грани разрыва («Мелкий бес» Ф. Сологуба на фоне русской реалистической традиции) // Вопросы литературы. 1985. № 2. <https://voplit.ru/article/na-grani-razryva-melkij-bes-f-sologuba-na-fone-russkoj-realisticheskoj-traditsii/>
4. Женетт Ж. Повествовательный дискурс // Женетт Ж. Фигуры: в 2-х т. М., 1998. Т. 2.
5. Иванова О. В. Ирония как стилеобразующее начало в романе Ф. Сологуба «Мелкий бес»: дисс. ... к. филол. н. М., 2000.
6. Корман Б. О. Изучение текста художественного произведения. М., 1972.
7. Меррилл Д. Федор Сологуб в англоязычных антологиях: 1915-1950 гг. // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Литературоведение, журналистика. 2022. Т. 27. № 2.
8. Минц З. Г. О некоторых «неомифологических» текстах в творчестве русских символистов // Минц З. Г. Блок и русский символизм: избранные труды: в 3-х кн. СПб.: Искусство – СПб, 2004. Кн. 3. Поэтика русского символизма.
9. Осипова О. И. Константы малой прозы Ф. Сологуба // Научный диалог. 2021. № 1.
10. Осипова О. И. Семиотика конфликта в романе Ф. Сологуба «Мелкий бес» // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Теория языка. Семиотика. Семантика. 2014. № 3.
11. Осипова О. И., Ху Иннань. Осмысление прозы Ф. Сологуба китайской русистикой // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2024. Т. 17. Вып. 3.
12. Силард Л. Поэтика символистского романа конца XIX – начала XX века // Проблема поэтики русского реализма XIX в.: сборник статей ученых Ленинградского и Будапештского университетов. Л., 1984.
13. Тюпа В. И. Нарратология как аналитика повествовательного дискурса («Архиерей» А. П. Чехова). 2001. <http://chehov-lit.ru/chehov/kritika/tyupa-narratologiya-arhierej/kategoriya-sobytiya.htm>
14. Успенский Б. А. Поэтика композиции: структура художественного текста и типология композиционной формы. М.: Искусство, 1970.
15. Шмид В. Нарратология. Изд-е 2-е, испр. и доп. М.: Языки славянской культуры, 2008.

Информация об авторах | Author information**Жарков Михаил Александрович¹**¹ Российский государственный гидрометеорологический университет, г. Санкт-Петербург**Mikhail Aleksandrovich Zharkov¹**¹ Russian State Hydrometeorological University, St. Petersburg¹ misha.zharkov01@gmail.com**Информация о статье | About this article**

Дата поступления рукописи (received): 15.04.2024; опубликовано online (published online): 29.05.2024.

Ключевые слова (keywords): роман Ф. Сологуба «Мелкий бес»; специфика нарратора; точка зрения нарратора; нарративные стратегии; F. Sologub's novel "The Petty Demon"; narrator's specifics; narrator's point of view; narrative strategies.